

России необходимо адаптироваться к стремительно меняющемуся миру

Итоги 2014 г. и задачи, стоящие перед нефтегазовой отраслью в 2015 г., оценивает директор по энергетическому направлению Фонда «Институт энергетики и финансов», член-корреспондент РАЕН Алексей Игоревич Громов.

Корр. – Как Вы можете оценить итоги 2014 г.?
А.Г. – Прошедший год для российской нефтегазовой отрасли выдался богатым на события, которые оказали на отрасль как позитивное, так и негативное влияние. Безусловным достижением для российского ТЭКа стал нефтегазовый прорыв на Востоке, который ознаменовался подписанием в мае 2014 г. исторического долгосрочного газового контракта с Китаем.

Справочно:

21 мая 2014 г. ОАО «Газпром» и китайская CNPC заключили 30-летний контракт на ежегодную поставку с 2019 г. до 38 млрд м³ российского газа в Китай на общую сумму 400 млрд долл. Сразу после подписания первого российско-китайского газового контракта было объявлено о начале переговоров по западному направлению поставок газа из России в Китай. В случае реализации этого проекта объем российских поставок в КНР может возрасти до 68 млрд м³, а часть российского газа Западной Сибири будет переориентирована с европейского на китайское направление.

В стратегическом плане для России принципиально важно понимать долгосрочные перспективы развития российско-китайских газовых отношений. Подписанный контракт может стать как началом большого газового сотрудничества двух стран, имеющего стратегическое значение для КНР и России, так и просто одним из значимых источников диверсификации поставок природного газа в Китай.

Однако успехи на восточном направлении российской энергетической политики были омрачены масштабным политическим кризисом во взаимоотношениях со странами ЕС и США в связи с ситуацией на Украине, который привел к введению секторальных финансовых и технологических санкций для российской нефтяной отрасли.

Справочно:

31 июля 2014 г. США и Европа ввели в отношении России секторальные санкции, которые напрямую затрагивают российскую нефтяную отрасль, особенно в части доступа к наиболее передовым технологиям

и оборудованию. В частности, был введен запрет на поставку нефтегазовым компаниям РФ товаров, услуг и технологий, необходимых для освоения месторождений нефти на глубоководных участках и арктическом шельфе, а также в сланцевых пластах. Кроме того, были введены экономические и финансовые санкции, включающие запрет напрямую или косвенно приобретать, продавать, предоставлять инвестиционные услуги или помощь в получении или иным образом распоряжаться ценными бумагами и инструментами денежного рынка со сроком погашения более 30 дней, выпущенными этими компаниями после 12 сентября 2014 г.

Кроме того, вновь обострились российско-украинские газовые отношения, что привело в июне 2014 г. к прекращению поставок российского газа украинским потребителям и введению режима предоплаты, а также к нарастанию рисков транзита российского газа через территорию Украины. Последний был несколько снижен лишь с подписанием так называемого «зимнего пакета» трехсторонних соглашений между Россией, Украиной и ЕС.

Справочно:

31 октября Россия, Украина и Еврокомиссия подписали юридически обязывающий трехсторонний протокол, зафиксировав договоренности по зимнему газовому плану. План предполагает возобновление поставок российского газа Украине и обеспечение бесперебойного транзита в Европу зимой. Он предусматривает погашение Украиной до конца года \$ 3,1 млрд из \$ 5,3 млрд долга и покупку у ОАО «Газпром» дополнительных объемов на зиму на условиях предоплаты.

И на этом негативном фоне началось стремительное падение мировых цен на нефть, которые с III квартала 2014 г. упали со 113–115 долл. в конце июня – начале июля до 60 долл. за баррель в ноябре – декабре. Другими словами, менее чем за полгода нефть потеряла в цене почти 50 %.

Более того, сейчас пока нельзя с уверенностью сказать, когда понижательный тренд на мировом рынке нефти остановится, что заставляет ключевые компании нефтегазовой отрасли

пересматривать свои инвестиционные планы и переносить сроки реализации наиболее дорогих проектов, а в ряде случаев и вовсе отказываться от некоторых из них.

Справочно:

Предварительный анализ причин наблюдаемого падения цен показывает, что цены снижаются на фоне неблагоприятного сочетания фундаментальных и финансовых факторов. С одной стороны, в 2014 г. отчетливо проявилась тенденция к замедлению роста спроса на жидкие углеводороды в мире, главным образом вследствие замедления роста экономики Китая и ее перехода на энергоэффективный путь развития. С другой стороны, основной прирост предложения жидких углеводородов на рынке был обеспечен странами, не входящими в ОПЕК, главным образом США, которые существенно нарастили добычу собственной трудноизвлекаемой нефти. На фоне сложившегося избытка предложения нефти над спросом цены пошли вниз, что, в свою очередь, спровоцировало крупных финансовых спекулянтов на выход из нефтяных фьючерсов. Так, только за сентябрь – октябрь 2014 г. позиции крупных спекулянтов снизились более чем в 7 раз по сравнению с летом 2014 г.

Наиболее драматичным оказался отказ России от реализации проекта «Южный поток», публично озвученный Президентом России во время государственного визита в Турцию 1 декабря 2014 г. Если отойти от официальных причин отказа России от реализации столь дорогостоящего проекта по поставкам российского газа в страны ЕС, то следует понимать, что в текущих неблагоприятных макроэкономических и политических условиях это непростое, но, уверен, правильное решение. Тем более что объявленная переориентация российского газотранспортного проекта на Турцию вовсе не означает, что проект будет реализован на всю заявленную мощность в 63 млрд м³. Пока можно с уверенностью сказать, что будет реализована лишь его первая фаза на 16 млрд м³ в виде расширения «Голубого потока». Благодаря этому Турция сможет

получать российский газ напрямую без транзита через Украину и Балканы, что является взаимовыгодным решением для двух стран. Однако главным итогом 2014 г., по-видимому, следует считать назревшую необходимость переосмысления стратегического вектора развития российской нефтегазовой отрасли в новых геополитических и социально-экономических реалиях.

Корр. – Какие направления в сфере развития нефтегазовой отрасли Вы считаете приоритетными?

А.Г. – Итоги 2014 г. еще раз со всей убедительностью показали, насколько российская нефтегазовая отрасль зависит от мировой конъюнктуры сырьевых рынков, а также вскрыли опасную зависимость отрасли от зарубежных технологий, которая может стать серьезным препятствием на пути ее дальнейшего развития.

Напомню, что еще в конце 2014 г. в Правительство должны были быть внесены проекты новой Энергетической стратегии России на период до 2035 г., а также обновленные проекты генеральных схем развития нефтяной и газовой промышленности до 2035 г. Однако резкое изменение макроэкономических условий заставило власти перенести сроки рассмотрения данных документов на 2015 г. На мой взгляд, это совершенно правильное решение, которое позволит скорректировать развитие отрасли в свете наблюдаемых негативных тенденций. В связи с этим важнейшим направлением государственной энергетической политики в нефтегазовой отрасли в ближайшее время должно стать обеспечение стабильности ее функционирования в условиях низких мировых цен на нефть и действия финансовых и технологических санкций. В отрасли должен быть создан такой режим государственного регулирования, который обеспечил бы ее долгосрочную устойчивость и рентабельность. И здесь следует говорить не об очередных вариациях налогового режима типа «Большого налогового маневра», а о смене концепции налогообложения отрасли, о переходе на налогообложение не валовых показателей добычи, а финансового результата работы нефтегазовых компаний. Разговоры о переходе на рентное налогообложение через налоги на финансовый результат (НФР)

А.И. Громов

или налоги на дополнительный доход (НДД) ведутся давно, но настало время для системного решения этого вопроса. В противном случае отрасль окажется в очень тяжелом положении в среднесрочной перспективе, когда надо будет масштабно запускать добычу трудноизвлекаемой нефти, и тогда властям все равно придется идти на дальнейшие налоговые послабления для отрасли в виде очередных льгот по НДС. А ведь уже сегодня доля добычи льготированной нефти в стране превышает 25 % от общего объема добычи и продолжает расти. Таким образом, вопрос налогообложения отрасли требует радикального решения и перенастройки всей фискальной системы.

Также необходимо системное решение задачи по обеспечению импортозамещения в отрасли, поскольку введенные санкции показали, насколько отрасль сегодня технологически уязвима. По данным Минэнерго России, доля импортного оборудования в российской нефтяной отрасли достигает 25 %, а по ряду товарных позиций (например, насосно-компрессорное оборудование, оборудование для геолого- и сейсморазведки, оборудование для морского бурения и создания морских добычных комплексов) импортозависимость носит критический характер. Причем в отрасли существует проблема импортозависимости не только по оборудованию и технологиям, но и по нефтесервисным услугам. Так, доля импортных нефтесервисных услуг достигает

в отрасли 46 %, а в шельфовых проектах наша зависимость от зарубежных технологий, сервиса и инжиниринга вообще достигает 100 %! И это – только в добыче. Зависимость России от зарубежных технологий в нефтепереработке также очень велика. И преодолеть эту зависимость возможно только совместными усилиями государства, нефтегазовых компаний и российской промышленности.

Важнейшим условием реализации государственной политики в отрасли также является планомерная работа самих нефтегазовых компаний по снижению издержек и повышению собственной эффективности. Независимые экспертные оценки показывают, что российская нефтегазовая отрасль сегодня является мировым лидером по росту издержек. Так, если в среднем по миру в 2012–2013 гг. рост издержек нефтегазового комплекса составил 3–4 %, то в России он превысил 17 %. Таким образом, если темпы роста издержек в отрасли будут сохраняться на таком запредельном уровне, то российскому нефтегазовому комплексу никакое восстановление мировых цен на нефть не поможет. Представляется необходимым провести ревизию проектов развития отрасли и сознательно отказаться от наиболее дорогостоящих из них, а также оптимизировать текущие затраты компаний. Уверен, что резервы для повышения собственной экономической эффективности у компаний есть, просто надо снова научиться жить по средствам.

В последние годы жизнь заставила Россию сделать выбор в пользу приоритетного развития восточного направления энергетической политики. Думаю, что в ближайшие годы необходимо всячески поддерживать выбранный курс, поскольку восточное направление развития при грамотном управлении отраслью и принятии комплексных инвестиционных решений сулит российскому нефтегазовому комплексу большие перспективы. Вместе с тем необходимо тщательно взвесить целесообразность реализации всех заявленных проектов на Востоке.

Так, не вызывает сомнений необходимость строительства газопровода «Сила Сибири» в Китай, но эффект от реализации этого проекта будет несоизмеримо больший, если он будет соединен с газопроводом Сахалин –

Хабаровск – Владивосток, поскольку таким образом мы вплотную подойдем к созданию восточной газотранспортной системы. Возможно, в новых неблагоприятных условиях и с учетом отсутствия у России собственных технологий по производству СПГ следует пересмотреть планы по развитию СПГ-индустрии в стране. Надо честно признать, что с масштабным выходом на этот рынок мы опоздали, и наверстывать упущенное в текущих условиях будет делом крайне дорогостоящим. В связи с этим считаю, что Россия может отказаться от реализации проекта «Владивосток-СПГ», который имеет сложности с ресурсной базой и рискует оказаться нерентабельным в целом. При этом гораздо больший эффект для отрасли на Востоке может дать масштабное развитие нефтегазохимии, которое, напротив, необходимо всячески поддерживать.

Отдельно следует сказать и о нерешенных проблемах уходящего года, которые «аукнутся» отрасли в ближайшем будущем. Я имею в виду ситуацию с поставками и транзитом российского газа через территорию Украины и отношения с европейскими потребителями российского газа в целом. Очевидно, что полностью уйти от транзита российского газа через территорию Украины в ближайшие годы не удастся, хотя бы в силу того, что страны ЕС политически не заинтересованы в этом (чего стоит хотя бы непримиримая позиция ЕС по «Южному потоку», которая и привела в итоге к отказу от этого проекта). Значит, придется искать компромиссные решения, которые заключаются, на мой взгляд, в подписании новых договоров на поставку и транзит газа через территорию Украины. Однако произойти это может лишь только после того, как свое решение по газовому спору двух стран примет Страсбургский арбитражный суд.

Вторая проблема – это газовые отношения России и ЕС. Мне кажется, следует отказаться от иллюзии, что долгосрочные контракты на условиях Газпрома – это единственный вариант дальнейшего газового сотрудничества сторон. Надо понимать, что в новых условиях, когда на рынок выходит все большее количество продавцов газа, а его потребление в Европе снижается второй год подряд, не следует ожидать продления долгосрочных

соглашений на поставку газа из России. Мир стремительно меняется, технологии идут вперед, и я не думаю, что институт долгосрочных контрактов сохранится. При этом очевидно, что действующие контракты будут исполнены, а вот их продление – маловероятно. Кроме того, считаю, что формула ценообразования на газ уже в ближайшие годы претерпит существенные изменения, и роль привязки цены газа к цене на нефть будет уменьшаться, тогда как роль спотовых ценовых индикаторов – расти. И мы в целом к этому уже готовы. Недаром в 2013 г. Газпром через свои дочерние структуры продал на европейских спотовых рынках газа около 15 % от общего объема своих продаж в Европе, т. е. около 18–19 млрд м³.

Наконец, очевидно, что внутри нашей страны также назрели реформы на внутреннем рынке газа. Роль независимых производителей газа растет год от года, как в структуре добычи газа, где на их долю приходится 27 %, так и в структуре продаж газа внутри страны. Основными независимыми игроками в отрасли сегодня являются Роснефть и НОВАТЭК, доля которых на российском рынке продолжает неуклонно расти. Более того, уже в перспективе 3–5 лет доля независимых производителей газа в добыче может превысить 50 %.

В этих условиях традиционная для России модель сохранения государственного регулирования цен с доминированием одной компании не может восприниматься как релевантная модель развития отрасли.

Главной проблемой с точки зрения ценообразования в настоящее время является отсутствие системного представления о будущем рынка газа. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2007 г. № 333 установило принцип достижения равной доходности с европейскими ценами на газ как ориентир долгосрочной политики ценообразования на внутреннем рынке. Однако с тех пор произошли важные изменения на мировых рынках: произошло серьезное расхождение ценовых ориентиров на основных региональных рынках. Цены в США существенно снизились за счет расширения собственной добычи, одновременно уровень цен на европейском и азиатских рынках существенно вырос. Такая динамика

ставит начальные предпосылки принципов равнодоходности под сомнение. Текущий уровень цен, обеспечивающий равную доходность, по всей видимости, является чересчур высоким для внутренних потребителей с точки зрения обеспечения глобальной конкурентоспособности. Цены на газ являются одним из главных элементов стоимости электроэнергии и, таким образом, оказывают влияние на конкурентоспособность всей экономики, а не только крупных промышленных потребителей газа (металлургия, производство удобрений и пр.).

В этих условиях с 2012 г. пересмотр регулируемых цен на внутреннем рынке фактически осуществляется из макроэкономических соображений, в первую очередь связанных с антиинфляционной политикой. Цены на газ выступают в качестве важного «инфляционного» якоря и инструмента макроэкономической политики. Однако эти представления не имеют прямого отношения к внутреннему рынку газа с точки зрения фундаментальных факторов спроса и предложения. Поэтому применяемый в настоящее время подход по ограничению динамики уровнем инфляции является временной мерой и очевидно нуждается в пересмотре.

Необходимо разработать модель рынка газа, на что, кстати, напрямую указывает Протокол решения Президентской комиссии по ТЭК от 4 июня 2014 г. И мне очень отраднo видеть, что первые шаги в этом направлении уже делаются. Я имею в виду в первую очередь запуск биржевой торговли газом на СПБМТСБ этой осенью. Однако для реального изменения ситуации внутри страны необходимы кардинальные изменения, связанные с необходимостью

постепенного отказа от регулирования оптовых цен на газ и перехода на регулирование тарифов на транспортировку газа.

Корр. – Расскажите о состоянии конкурентной борьбы на нефтегазовом рынке. Какие задачи в связи с этим возникают перед Россией?

А.Г. – Говоря о перспективах развития российской нефтегазовой отрасли, нельзя не упомянуть и о внешних условиях ее развития. Ранее уже говорилось о санкциях и падении цен на нефть, однако следует упомянуть и об изменившейся институциональной структуре мировой нефтегазовой отрасли, которая будет оказывать долгосрочное влияние на развитие российского ТЭК.

Сегодня уже идет упорная конкурентная борьба поставщиков за удержание и наращивание доли на ключевых традиционных европейских и новых азиатско-тихоокеанских энергетических рынках. Реальностью последних лет стала сланцевая революция в США, которая уже привела к существенным изменениям на мировом газовом рынке и смещению вектора роста спроса на газ с западного на восточное направление. Более того, мы стоим на пороге начала масштабного экспорта газа из США и Канады как на азиатские, так и на европейские рынки, что очевидным образом будет способствовать ужесточению конкурентной борьбы за потребителя в этих регионах.

Рост добычи трудноизвлекаемой нефти в США сегодня также меняет привычную картину нефтяной отрасли, становясь триггером наблюдаемого сегодня падения мировых цен на нефть. Так, с 2005 г. зависимость США от импорта нефти снизилась с 66 до 39 % (!), чистый импорт нефти в США упал почти в 2 раза

(с 12,5 до 6,5 млн барр/сут), а добыча жидких углеводородов в стране выросла на 40 % (!). Более того, с середины 2014 г. по совокупному объему производства жидких углеводородов, включая газовый конденсат и NGL¹, США вышли в мировые лидеры, опередив и Саудовскую Аравию, и Россию².

А ведь есть еще восточноафриканские и австралийские газовые проекты, «запертая» санкциями нефть Ирана, недозагруженные мощности по добыче нефти в Ираке и Ливии, парализованные гражданской войной в этих регионах. Высок потенциал роста добычи нефти и газа и у российских соседей – стран Центральной Азии (в первую очередь – Казахстана и Туркменистана). И все это в условиях, когда основные страны-импортеры нефти и газа стремятся либо выйти на самообеспечение углеводородами (США), либо существенно сократить прирост потребления углеводородов за счет развития энергоэффективных технологий (Европа, а в последнее время и Китай). Таким образом, мир входит в период углеводородного изобилия, когда идет борьба не за ресурсы, а за потребителя этих ресурсов. Другими словами, происходит переход от рынка продавца к рынку покупателя, следствием чего является ожидаемое снижение цен на углеводороды и ужесточение международной энергетической конкуренции.

В этих условиях перед Россией стоит задача обеспечения необходимых объемов экспорта нефти, газа и нефтепродуктов, прежде всего за счет выхода на новые географические рынки азиатских стран и повышения конкурентоспособности отечественного ТЭК.

*Материал подготовила Е.Г. Остроумова
(ООО «Газоил пресс»)*

¹ Natural Gas Liquids – продукты переработки природного и попутного газа тяжелее метана (в западной классификации).

² По данным JODI, в июле 2014 г. объем выпуска жидких углеводородов в США превысил 12,5 млн барр/сут, тогда как в Саудовской Аравии этот показатель составил лишь 11,8 млн барр/сут, а в России – 10,5 млн барр/сут.